

спандинавская мания

no call

no call

no call

no call

no call

no call

Send message

Юнас Хассен Кемири Я звоню своим братьям

18+

10:10

100%

Incoming call...

Юнас Хассен Кемири

Я звоню своим братьям

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73473983

ISBN 978-5-907982-73-4

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

ВОЗБУЖДЕНИЕ НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ, УНИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА И ЭКСТРЕМИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАПРЕЩЕНЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

В Стокгольме взорвался автомобиль. Амор блуждает по наполненному полицией, впавшему в параноидальное состояние городу в поисках запасной детали для дрели. В переднем кармане у него телефон, в заднем – нож. Он должен ответить, когда позвонит Шави, должен перестать преследовать Валерию. А главное – нужно вести себя максимально нормально. Но что такое «нормальное поведение»? Что значит быть

«потенциальным преступником»? И что происходит, когда подозрительные взгляды вдруг обращаются на тебя самого?

Роман «Я звоню своим братьям» основан на колонке Юнаса Хассена Кемири, опубликованной в декабре 2010 года – через неделю после теракта в Стокгольме. В течение двадцати четырех напряженных часов мы находимся в голове Амора, где границы между преступником и жертвой, любовью и химией, паранойей и реальностью становятся все более размытыми. В настоящее издание вошли также открытое письмо Кемири министру юстиции Беатрис Аск, ранее не публиковавшийся рассказ «Тысяча раз, тысяча два, тысяча три», а также предисловие филолога-скандинависта, специалиста по шведской литературе Полины Лисовской.

Юнас Хассен Кемири (р. 1978) – один из самых популярных писателей современной Швеции, лауреат многих литературных премий. Автор шести романов, семи пьес и сборника эссе и рассказов, переведенных более чем на 35 языков мира. Ранее на русском языке выходили пьеса «Нас сотня» (2015) и романы «На красном глазу» (2007), «Все, чего я не помню» (2021), «Отцовский договор» (2022) и «Монтикор. Молчание тигра» (2026).

Содержание

Предисловие	7
Шави	19
Алем	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Юнас Хассен Кемири

Я звоню своим братьям

Copyright © 2006, Jonas Hassen Khemiri

All rights reserved

Возбуждение ненависти или вражды, унижение человеческого достоинства и экстремистская деятельность запрещены на территории Российской Федерации.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Юлиана Григорьева, перевод со шведского, 2026

© Наталья Асеева, перевод со шведского, 2026

© Полина Лисовская, предисловие, 2026

© ИД «Городец», издание на русском языке, оформление,
2026

* * *

Предисловие

Не каждый пусть даже очень талантливый писатель при жизни попадает в том истории литературы. Тем более не каждый автор, даже попав в эту внушительную книгу, найдет на ее обложке свою фотографию в коллаже из портретов национальных скальдов, классиков шведской и мировой литературы, нобелевских лауреатов. Ведь войти в историю, хрестоматию, учебник – такая ответственность! Раздел о родившемся в 1978-м и дебютировавшем в 2003 году Юнасе Хасене Кемири под названием «Неизведанные возможности языка» фактически завершает собой вышедшее в 2009 году пятое издание хрестоматийной «Истории литературы в Швеции» Бернта Ульссона и Ингемара Алгулина с соавторами. Глава «Неравнодушие, эксперименты и расширившееся понимание текста», которая заканчивается рассказом о творчестве Кемири, посвящена литературе на шведском языке с 1965 года и до конца первой декады нашего столетия.

Здесь уместно вспомнить, что в начале XX века одним из главных моторов развития шведской национальной литературы были так называемые «рабочие писатели», выходцы из непривилегированных социальных слоев. Закончившие в большинстве своем лишь четыре класса, они сформировали почти что уникальный шведский феномен – «рабочую литературу». Их книги, как правило, автобиографические эпо-

пей, были исключительно востребованы и популярны. Речь в этих произведениях шла о том, как герой – ребенок, затем подросток, – находясь изначально в самых неблагоприятных условиях, постепенно благодаря труду, таланту, солидарности с такими же, как он, подчас перебрав множество профессий, преодолев все трудности, выбивается в люди, чего-то достигает. Конечно, это была очень позитивная программа для общества, где недавно победила демократия и появились такие невиданные раньше социальные лифты. Хассен, ныне уже покойный отец Юнаса Хассена Кемири, чья фигура играет очень важную роль в творчестве и жизни писателя, тоже перебрал множество профессий, но он оказался в Швеции уже в иную эпоху, когда одного трудолюбия и стремления двигаться вперед было недостаточно.

Начало ХХІ века также стало непростым вызовом для развития шведского общества, его захлестнули проблемы, связанные с ассимиляцией мигрантов, этническими и расовыми противоречиями, террористическими угрозами и все это на фоне ухудшения экономического положения различных социальных слоев. Теперь снова настало время писать о тех, кто юн, но страдает от социальной несправедливости, проявлений расовой нетерпимости или полицейского произвола, чьи перспективы состояться в жизни оказываются под вопросом, о тех, кто испытывает страх и неуверенность. Для развития шведской литературы этот период стал временем все более активных поисков своего места в глобальном ми-

ре на фоне стремительного цифрового развития в этой одной из самых развитых современных стран. При этом шведские авторы продолжали писать в основном о Швеции, но теперь нередко это был нарратив о Швеции в глобальном мире. Порожденные еще кризисом общества всеобщего благоденствия, который стал особенно явным в 1990-е годы, ключевые вопросы поиска человеком собственной идентичности не только никуда не делись, а, наоборот, вышли на передний план – это вопросы классовой, половой и этнической принадлежности. Стали говорить в том числе и о новом витке «рабочей литературы»: тема тяжелых поисков героем себя и своего применения в жизни, когда происхождение и среда ставят одни лишь препятствия, вторит шведской «рабочей литературе» первой трети прошлого века.

Кемири выступает здесь одним из лучших авторов в плеяде «неравнодушных», к которой мы отнесем также Сусанну Алакоски, Осу Линдерборг, Марьяне Бахтиари, Алехандро Лейва Венгера, Юханнеса Аниуру. Среди писателей этого поколения – они родились в 1960–1970-е годы – есть те, кто появился на свет в Швеции, и те, для кого она стала второй родиной, но все они по-своему преподносят тему чужести, аутсайдерства, поисков молодыми парнями и девушками своего места в жизни. Проблемы их героев могут быть связаны с иммигрантским бэкграундом, классовой отчужденностью, тяжелыми проблемами в самом ближайшем кругу – часто, но не всегда, это развод родителей, алкоголизм отца

и травмы, с этим связанные. Важнейшей движущей силой в творчестве этих авторов является поколенческая проблематика, которая подчас особым образом обостряется из-за того, что родители так и не смогли адаптироваться к жизни, будь то в новой для них стране или у себя на родине. Таков, например, случай стопроцентного шведа, пролетария-алкоголика и заодно отца девочки Осы в романе О. Линдерборг «Я никому не принадлежу» (2007). Тема отношений с отцом – один из ключевых мотивов и в творчестве Юнаса Хасена Кемири, но об этом чуть позже.

Несомненно, одна из основных версий, почему Кемири занял такое стратегическое положение в новой «Истории литературы в Швеции», связана с отношениями этого писателя со шведским языком. Читателей и критиков не оставляет равнодушными его талантливый поиск способов так трансформировать язык, чтобы герои именно с помощью речи и слов могли получить контроль над своей жизнью. В этом отчасти отражается и постмодернистский аспект творчества писателя, которого общественная проблематика, безусловно, крайне волнует, но который тем не менее основным средством формирования мира вокруг нас видит язык. Следовательно, и для него, как для любого постмодерниста, первичен язык, а не вещный мир.

Русскому читателю творчество Кемири уже довольно хорошо знакомо. Важнейшие произведения писателя изданы на русском языке в переводе прекрасных переводчиков:

«На красном глазу» (О. Коваленко), «Все, чего я не помню» (Ю. Григорьева), «Отцовский договор» (Н. Братова), пьеса «Нас сотня» (М. Людковская), эссе «Уважаемая Беатрис Аск» (Н. Асеева), «Монтикор. Молчание тигра» (Н. Братова). Теперь вниманию читателей в России предлагается книга, в которую вошли краткий роман «Я звоню своим братьям», а также обновленный перевод текста «Уважаемая Беатрис Аск» и небольшая новогодняя новелла «Тысяча раз, тысяча два, тысяча три».

Вначале скажем несколько слов о втором произведении в этом сборнике, которое представляет собой открытое письмо-эссе в адрес Беатрис Аск. Его Кемири опубликовал в 2013 году как реакцию на слова тогдашнего министра юстиции Швеции, сказанные ею в радиоэфире. Беатрис Аск выразила недоумение по поводу того, что люди, которых полиция останавливает для проверки документов, предполагают, что это происходит лишь из-за цвета их кожи, и испытывают фрустрацию по этому поводу. В данном полемическом тексте Кемири предлагает госпоже Аск посмотреть на современную Швецию его глазами, буквально оказавшись в его шкуре, шкуре сына эмигранта из Туниса, и пережить вместе с ним все те неприятные моменты и невротические состояния, которые ему, уроженцу Стокгольма, доводилось испытывать с самого раннего детства. В частности, там упоминаются страх и тревога, которые он и ему подобные переживали в начале 1990-х. Тогда в его родном городе орудовал

«человек с лазером», преступник, убивавший из оружия с лазерным прицелом людей со смуглым цветом кожи. Этот мотив тревожного страха перед невидимым охотником-расистом мы встречаем и в «Монтикоре», и в романе «Я звоню своим братьям». Художественный прием, который использует здесь автор письма, – это ведение повествования от первого лица множественного числа – мы. На самом деле он довольно типичен для Кемири. Это такой мотив двойничества наоборот, когда герой не раздваивается на несколько персонажей, а два человека сливаются в одного «сиамского близнеца». Автор использует его и в рассказе «Тысяча раз, тысяча два, тысяча три», где один из братьев ожидает другого, опаздывающего на встречу. Ожидающий размышляет о том, что его самого регулярно принимают за его брата, как, например, девушка, с которой он даже пошел на свидание, во время которого в какой-то момент осознал, что стал этим своим братом, потому что использует его язык, лексику, манеру говорить. Эта новогодняя новелла выстроена по правилам традиционного для западноевропейской литературы жанра святочного рассказа, когда уже почти отчаявшийся человек в итоге обретает искомое. В данном случае это происходит и в тематическом, и в сюжетном плане. Долгожданный брат все-таки приходит, и у ожидающего возникает понимание того, что хоть он никогда и не станет таким, как его харизматичный близкий родственник, тем не менее он осознает собственную, отдельную от брата идентичность и

в качестве новогоднего подарка получает чувство беззаветной любви и радости от встречи с родным человеком.

Достаточно очевидно, что и открытое письмо к Беатрис Аск, и новелла «Тысяча раз, тысяча два, тысяча три» тематически примыкают к главному произведению в предлагаемой читателям книге – роману «Я звоню своим братьям», действие которого происходит в Стокгольме в течение одного дня. И это не простой день. В романе Кемири точные даты не называются, но нет сомнений, что речь идет о реальных событиях. Ранним вечером 11 декабря 2010 года – то есть накануне дня, описанного в романе, – на двух перекрестках с главной торговой улицей Дроттнинггатан в разгар пред Рождественской торговли с разницей в десять минут прозвучали два взрыва. На месте второго взрыва нашли тело тяжело раненного мужчины. За десять минут до взрывов в Национальное новостное агентство и полицию безопасности Швеции поступило письмо с угрозами, в котором неизвестный преступник предупредил о том, что теперь настал черед шведским *«детям, дочерям и сестрам умирать так, как умирают наши братья, сестры и дети»*. Преступник грозил шведам смертью от террористических актов в расплату за рисунки Андерса Вика, изображающие пророка Мухаммеда, и наличие шведских военных в Афганистане. В результате взрывов, к счастью, никто, кроме самого террориста, не погиб.

Как мы отметили, в тексте Кемири, звучащем от лица молодого человека по имени Амор, нет прямых и однозначных

указаний на произошедшее, однако новостной контекст сомнений не вызывает. До дня, когда произошло нечто страшное, юноша жил своей жизнью, ходил накануне в ночной клуб, танцевал и выпивал, но теперь ситуация резко меняется. Всю ночь ему пытался дозвониться его лучший друг Шави, чтобы узнать, в порядке ли он. И только наутро именно от Шави Амор узнает о случившемся. Он понимает, что такие, как они с Шави, сегодня окажутся под пристальным вниманием. Говоря «такие, как они», мы подразумеваем тех, кого Кемири имел в виду в письме к министру юстиции Беатрис Аск, то есть людей, чья внешность уже сама по себе вызывает подозрение у властей. Амор мог бы, наверное, не выходить в тот день из дома, мог бы запереться в квартире и пережидать, пока все успокоится, но ему нужно поехать в универмаг и попытаться обменять сломанное сверло от дрели, исполняя просьбу родственников. Положив в рюкзак сверло, а в карман брюк – нож, он выходит из дома, передвигается в общественном транспорте, общается по телефону. Сверло от дрели – деталь, кажущаяся нелепой, но кажется, что герой так находит первый попавшийся повод, чтобы все-таки выйти наружу, к людям. Его охватывает сильнейшая паранойя: Амору чудится, что за ним следят спец агенты, вместе с ним мы слышим их переговоры по рации. Пережить это тревожное состояние, как-то сохраниться, протагонисту помогает общение с теми, кто ему звонит.

Этот короткий роман состоит из частей, названных име-

нами тех, кто звонит Амору в этот день. Ведь он сам, вопреки названию произведения, не звонит никому. Благодаря телефонным разговорам мы имеем ретроспективное повествование о том, что было у Амора в прошлом, о его школьных друзьях и девушке, которая ему нравилась, о девушке, которая, может быть, нравится сейчас. Прошлое и настоящее постоянно чередуются, и в прошлом есть элементы, которые делают Амора совершенно обычным молодым человеком, таким, как все в этой стране, но есть и такие фрагменты воспоминаний, что нет-нет да и напоминают о том, что он выглядит определенным образом. Это является источником постоянного невроза, который драматически обостряется на фоне случившегося в городе ЧП. Кто может помочь человеку в таком состоянии, когда ему кажется, что все смотрят на него и подозревают в том, что он преступник? Наверное, только ангел или бабушка Тира, которая звонит внуку с того света, беседует с ним и тем самым помогает двигаться по этому пугающему городу... В финальном абзаце романа мы увидим, как Амор буквально смог взглянуть своему страху в лицо. А, как известно, это лучший способ от него избавиться.

Мы собирались применительно к творчеству Кемири упомянуть тему отношений героя с отцом, которая отнюдь не является уникальной, а, наоборот, одной из самых продуктивных в истории мировой литературы. «Одиссея» и «Улисс», не говоря уже о «Братьях Карамазовых», — лишь

самые известные примеры в этом ряду. Поиски отца, желание воссоединиться с ним наряду с выраженным мотивом стремления к братству в произведениях шведского писателя занимают важнейшее место. Кроме того, отец, персонифицируя собой все неудачи и трудности, боль и разочарование, с которыми может столкнуться эмигрант в чужой стране, в произведениях Кемири выполняет важнейшую функцию зеркала, в котором главный герой может увидеть свою собственную боль, связанную с поисками ответа на вопрос: «Кто я?» Унижения, которым подвергался собственный отец Кемири, когда, например, пересекал шведскую границу – из всех в очереди на паспортный контроль останавливают только его, – одна из главных болевых точек в «Уважаемой Беатрис Аск». Что касается главного героя романа «Я звоню своим братьям», его обида на отца и боль от того, что тот когда-то ушел из семьи и уехал на родину, прорывается в двух репликах во время разговора с двоюродной сестрой, звонящей ему из далекой страны. Сначала он говорит: «Он с тобой в одной комнате, но не может взять трубку и поздороваться? Передай, чтобы валил ко всем чертям». А через несколько секунд: «Передавай привет. Передай папе привет от его сыновей. И скажи, что у нас все в порядке». Как и в большинстве семей, любовь и обида идут здесь рука об руку.

В предлагаемом читателю небольшом романе тема отцовства представлена и на примере друга Амора Шави, чья жизнь теперь заполнена любовью к маленькой дочке, и он,

как типичный шведский отец, находится в отпуске по уходу за ребенком и абсолютно счастлив. Шави Амору – как брат, он первый и, по сути, единственный, кто искренне беспокоится о своем друге. Братьев в новелле «Тысяча раз, тысяча два, тысяча три» также неразрывной нитью связывает непреходящая боль из-за ухода отца из семьи: «Как минимум три недели за все те случаи, когда я в детстве выдумывал папины звонки. Месяц за открытки, которые я отправлял от папиного имени». Как это важно писать, звонить, поддерживать связь через слова!

* * *

У мечущихся по большим городам в поисках себя и убегающих от своих страхов героев великих романов рубежа XIX–XX веков не было мобильных телефонов: ни у безымянного молодого человека в «Голоде» Кнута Гамсуна, ни у прустовского Марселя, ни у Стивена Дедала в «Улиссе» Джойса. Наследуя классикам модернизма, Юнас Хассен Кемири через реалии современности деконструирует идентичность и язык в нынешней Швеции.

* * *

В 2013 году в Швеции состоялась премьера спектакля по

роману «Я звоню своим братьям» в постановке Фарназ Арбаби.

*Полина Лисовская,
литературовед*

Спасибо

Фарназ Арбаби

*(за театральные постановки,
беседы, родство душ)*

Я ЗВОНЮ БРАТЬЯМ И ГОВОРЮ: Тут сейчас такая жесь случилась. Слышали? Мужчина. Машина. Два взрыва. В самом центре.

Я звоню братьям и говорю: Нет, никого не задержали. Подозреваемых нет. Пока. Но скоро все начнется. Готовьтесь.

Шави

Я узнал об этом от Шави.

Алло?

Он позвонил. Я стоял на танцполе. Была поздняя ночь, а точнее, раннее утро следующего дня.

Возьми трубку, если ты там, это важно.

Я был пьян, он позвонил, я танцевал, он позвонил снова.

Ответь!

Я стоял на танцполе, почувствовал вибрацию, посмотрел на телефон, но...

ОТВЕЧАЙ!

Я не ответил.

Гребанный предатель.

Я хочу сказать...

Что делаешь?

Будь это кто-то другой, я бы скорее всего взял трубку.

Ты что, в клубе?

Если бы позвонила мама. Или братья. Или...

С кем тусуешься?

Какая разница.

Только не говори, что в субботу вечером пошел в клуб один. Вот позор.

Но вместо них позвонил Шави.

Клянусь, братан, ты странный.

Не поймите меня неправильно. Мы до сих пор близкие друзья.

Так и есть.

Я люблю его как брата.

Факт.

Он мой брат.

В точку.

Почти как мои родные братья.

Сто пудов. Мы всегда прикроем друг друга и каждый день, в любой день готовы умереть друг за друга, да?

М-м. Ну... Не то чтобы умереть. За родных братьев я бы умер. За маму умер бы. Но за Шави?

Да ладно тебе, чувак.

То есть... Мы выросли в одном районе. Мы знаем друг друга. Он всегда прикроет меня, а я его.

Word¹.

И в любой из дней я бы защищал его, врал ради него, принял бы за него пулю.

Точняк.

При условии, что пуля не метит в лицо. В любую секунду я принял бы за него не представляющую угрозы для жизни и не летящую мне в лицо пулю.

А я за тебя, друг.

Но в то же время... Я должен сказать... Последние несколько лет... Став отцом, он как бы...

¹ Здесь: по-любому (*англ.*). (Здесь и далее примечания переводчика)

Что?

Не знаю. Мы отделились друг от друга. Он изменился.

Да что ты говоришь?

В детстве Шави всегда был пацаном, который смотрел на мир иначе. Скажем, если ты проиграл баскетбольный матч, то по дороге домой на метро можно было позвонить Шави, а он такой:

Как прошло? Что? Вы просрали? Треллеборгу?² Забей, чувак. В жопу баскетбол, точно тебе говорю, это спорт для лохов. Подумай, сколько есть других вариантов: футбол, гандбол, фехтование. Виндсерфинг, дротики, метание мяча. В следующий раз надо звонить мне, я бы их порвал!

Или если ты, например, списывал на контрольной по физике, а учитель заметил, вырвал у тебя из рук листок и пригрозил двойкой, можно было выйти во двор, а там Шави такой:

Че приуныл? So what?³ Подумаешь, двойка. Ты все равно поступишь в Политех. У меня двойки по четырем предметам, но признай, что все равно у меня все будет путем, а?

Или если твою двоюродную сестру остановили полицейские в штатском, а она сначала не поняла и подумала, что это братья Манала, с которыми у нее были терки, и поэтому сопротивлялась и попыталась сбежать и ей сломали нос, то Шави говорил:

² Город на юге Швеции.

³ Ну и что? (англ.)

Набрала бы меня, клянусь, я бы вписался за нее, хук справа, хук слева, пока от носа этого козла не осталась бы лужа крови.

Правда?

А то! К тому же с кривым носом Алем будет выглядеть еще суровее.

И хотя все знали, что Шави слишком низкорослый для баскетбола.

Брехня!

И слишком тощий, чтобы лезть в драку.

Я не такой коротышка, каким кажусь.

С ним все казалось... легче.

Плюс я дрался кучу раз.

Поэтому он был Гелием.

Чего?

Гелий. Ты был Гелием.

Ты это о чем?

Ему нравилось, когда я рассказывал об этом.

Каким еще Гелием, а?

В школе мы только что прошли периодическую систему и, чтобы ее запомнить, стали называть всех живущих по соседству разными элементами.

Не-не-не. *Мы* ничего такого не делали – так делал *ты*.

Камилла К – Титан, потому что она была очень сильной, Нож-Стив – Уран, потому что опасен, когда выпьет.

Точно тебе говорю – ты не в себе.

Лиза – Кремний, потому что хрупкая, хотя с виду дерзкая и жесткая, а гандболистка Химена – Ртуть, потому что ловкая.

Хочешь честно? Тебе лечиться надо.

И Шави. Шави был Гелием.

В жопу Гелий! Не хочу быть газом.

Так и сказал. А я в ответ: чем же ты хочешь быть?

Не знаю. Чем-то другим. Типа Железом?

Занято.

Сталью?

Это не элемент.

Да ладно тебе. Какого хрена я Гелий? Потому что моя башка похожа на воздушный шар? Потому что у меня писклявый голос? Сам ты Гелий! Твоя мамаша Гелий!

Нет, ты Гелий. Ты всегда делаешь все... Не знаю... Легче.

Ясно. Значит, Гелий – это хорошо?

Гелий – это отлично.

Гелий – это мощь?

Мощнее некуда.

Самая мощная мощь в мире?

Самая мощная!

Супер. Тогда я Гелий. А ты кто?

Что?

Ты какой элемент?

Я?

Да. Ну же, Амор, ты тоже должен быть элементом.

Нет. Я... Я не элемент.

Ну, давай же, завязывай шутить. Говори! Знаю! Ты – Дерево, ты же сухой, как ветка. Или нет, ты – Вода, потому что всегда начинаешь плакать, когда...

Может, Унунтрий.

Чего? Унун...?

Трий. Унунтрий.

Это еще что?

Временное название неподтвержденного синтетического элемента. Атомный номер 113. Обозначается символом Uut.

Как по мне, тебе больше подходит Дерево.

Потом прошло время, гандболистка Химена бросила гандбол, старшая сестра Исы утонула в заливе Орставикен, я окончил школу вторым по успеваемости в классе, а Шави...

Почти окончил школу.

Я поступил в Политех, а Шави познакомился с Ниной и стал отцом.

И частным предпринимателем: «Shavi Constructions» – строительные леса, на которые можно положиться.

Я съехал из дома, а Шави...

Остался жить в нашем районе.

Все изменилось.

Чушь. Все было как раньше.

Кроме Шави. Шави изменился.

Нет, это ты изменился.

После выборов он позвонил мне в полном шоке.

Это же полный бред, ты смотришь? Смотришь?

Естественно, я смотрел.

Поверить не могу.

Тогда никто не спал, все смотрели.

Они прошли.

Результаты сыпались со всей страны.

Расистские ублюдки прошли в этот долбаный парламент.

Цифры говорили сами за себя.

Это же безумие какое-то!

И я признаю. Я разозлился. Что-то в возмущении Шави меня задело.

Ничего безумнее я еще не видел, братан.

А что ты, мать твою, ожидал, Шави? Ты удивлен? Мы живем в стране расистов. Еще бы они не голосовали за расистскую партию.

В смысле? Разве можно быть такими идиотами?

Ты это о ком?

Об избирателях! О народе!

А ты? За кого ты голосовал?

Вот это треш.

Шави. За кого ты голосовал?

Я?

Ты же проголосовал? Скажи, что проголосовал.

Да я собирался. Но у Малышки поднялась температура.

Малышка. Мамой клянусь, она называет дочь Малышкой.

Хотя она родилась жутко толстой.

А потом я не нашел документы. Автобус опоздал. Шел дождь. Была длиннющая очередь. У Малышки колесо на коляске прокололось.

Малышка. Все время только он и Малышка. Он, Нина и Малышка. Так было с самого ее рождения, с тех пор, как ее принесли домой из роддома, а я приехал к ним и привез крутейший подарок. Шави открыл дверь и даже спасибо не сказал, а потом приложил палец к губам, как зритель в театре, и на цыпочках, словно индеец, пошел в спальню. Там лежала она. Толстый ребенок с маленькими желтыми засохшими козявками на верхней губе.

Давай по чесноку. Разве она объективно не самый красивый и одаренный ребенок, которого ты только видел?

Шави. Я не знаю. Ей четыре дня.

Точно! Посмотри на нее. Дети в этом возрасте редко так фокусируют взгляд.

Послушай.

М-м?

Она же спит.

Да, но до того, как заснула.

Потом Нина вышла на работу, а Шави взял отпуск по уходу за ребенком. Тогда-то все и началось.

Здорóво, как дела.

Честно: мобильник – офигенное изобретение...

Привет, это я.

Но должна же быть какая-то блокировка...

Йоу, че как?

Блокировка, чтобы нельзя было звонить на один и тот же номер...

Хэллооооу, это опять я.

Больше – ну, не знаю – десяти раз в день?

Амор! Как жизнь?

Первый звонок.

Одно слово.

Без пятнадцати семь утра.

Банан.

Что?

Банан, чувак. Сегодня она первый раз ела банан! Можешь себе представить?

Окей, но я... Я только что проснулся. Который час?

Почти семь. Встанешь пораньше – пойдешь подальше!

Я пытаюсь снова заснуть.

БАНАН, ЧУВАК, БАНАН!

Не получается.

БАНАН!

Встаю, делаю завтрак.

Алоха, братан, че как?

Следующий звонок, пятнадцать минут спустя.

Хорошо. Ее, правда, стошнило, но сейчас все в норме.

Проходит десять минут.

Приветики! Как делищи?

Хорошо.

Завтракаешь?

Нет, сейчас я вообще-то говорю по телефону, но скоро надеюсь вернуться к завтраку.

Круто. Что на завтрак?

То же, что и вчера.

Чай и бутер?

Чай и бутер.

Ништяк. Созвонимся позже.

Так что... Признаю. Я не ответил на звонок Шави. Я стоял на танцполе. Был пьян. Был один. Ничего не знал. Когда я вышел из клуба, на телефоне было пять пропущенных звонков и три сообщения. Все от Шави. Я поймал такси, назвал свой адрес, прослушал первое сообщение.

Привет, братан, ты слышал?

Часы на приборной панели показывали 2:16, начинался новый день, я сходил в клуб, я нажрался.

В центре произошло два взрыва.

Мои губы были солеными на вкус, водитель подпевал какой-то песне.

Говорят, это может быть...

У Шави был такой голос, словно он запыхался.

Треш, полный треш.

Опустевшие улицы.

Привет, это опять я. Говорят, бомба была в машине. Машина, битком набитая гребаным динамитом.

Мигающие светофоры.

Взорвалась несколько часов назад. Надеюсь, это не...

Сиротливые мосты.

Блин, только бы не...

Безжизненные уличные кафе.

Привет еще раз, хотел только сказать, что есть его приметы. Говорят, он выглядел как...

Безлюдные автобусные остановки.

Говорят, на нем была...

Темные витрины.

Уровень безопасности повысили до четвертого, или красного, или как там называется второй самый верхний уровень.

Я сидел в такси и думал, почему он так бурно реагирует.

Вот дерьмо. Дерьмо.

Казалось, он сейчас...

Блин блин блин блин.

Я хочу сказать... Это же просто какая-то машина.

Позвони мне.

Ведь никто же не должен был...

Позвони мне.

К нам это ведь не имело никакого отношения.

Позвони мне.

Никакого.

Я ЗВОНЮ БРАТЬЯМ И ГОВОРЮ: Затайтесь на несколько дней. Сидите дома. Выключите свет. Заприте двери. Поверните жалюзи под таким углом, чтобы невозможно было заглянуть внутрь, но вам все было видно. Выключите теле-

визор из розетки, отключите мобильник, газету сразу выкидывайте в мусорку.

Ждите, пока все уляжется.

Повторяйте про себя: Мы невиновны. Ведь это правда. Ваша совесть чиста. Вы не имеете к этому никакого отношения.

Ожидайте дальнейших инструкций.

Алем

Следующей позвонила Алем.

Better than a thousand hollow words, is one word that brings peace⁴.

Я лежал, свернувшись криветкой, на своем слишком маленьком диване в той же одежде, что и накануне.

Поддерживать в себе гнев – все равно что схватить раскаленный кусок угля с намерением швырнуть его в кого-то другого. Только сам обожжешься.

Завибрировал мобильник, я увидел иностранный номер и на секунду подумал, что это может быть... А что, если это... Я потянулся за телефоном и ответил: Алло? Скрипучим с похмелья, но в то же время воодушевленным голосом, который я ненавидел за то, что он не смог замаскироваться лучше. Алло? Shkon?⁵

⁴ Одно полезное слово, услышав которое становятся спокойными, лучше тысячи речей, составленных из бесполезных слов (*англ.*). Цитата из «Дхаммапады», буддийского трактата, составленного из изречений Будды Шакьямуни.

⁵ Кто это? (*араб.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.